

УДК 343.8

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ

© 2019 г.

И.Е. Бочкарев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

bochkarevie@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2019

Рассматривается юридическая сущность административной преюдиции и ее использование в законодательной деятельности. Анализируются позиция Конституционного суда РФ и научные взгляды относительно понимания административной преюдиции, а также проблемы ее законодательного обоснования и закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный суд РФ, административная преюдиция, уголовная политика, криминализация, неоднократное административное правонарушение, степень криминальной общественной опасности.

И в научном сообществе [1–3], и в органах государственной власти [4] обращается внимание на излишнюю криминализацию различных сфер жизнедеятельности российского общества в связи с большим числом поправок, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) после его принятия в 1996 году.

Одним из средств криминализации является административная преюдиция. С одной стороны, она все чаще используется законодателем якобы для совершенствования УК РФ [5], а с другой – служит объектом пристального внимания представителей юридической науки, у которых, в свою очередь, разные представления об этой правовом явлении. Административная преюдиция рассматривается и как средство криминализации [6]; и как средство декриминализации (частичной декриминализации) [7]; и как средство предупреждения преступлений [8]; и как одно из средств юридической техники [9]; и как самостоятельный уголовно-правовой институт [10]; и как межотраслевой институт права, позволяющий согласовывать нормы уголовного и административного права [11]; и как один из признаков состава преступления [12].

В Российской Федерации активное использование административной преюдиции в законодательной работе и не менее активное ее обсуждение среди ученых началось в 2009 году, хотя Уголовный кодекс РФ вступил в силу в 1996 году. Причина такой активности связана с посланиями Президента РФ Федеральному собранию РФ, в содержании которых затрагивалась тема административной преюдиции.

Так, в Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию РФ от 12 ноября 2009 года подчеркивалось, что «наше уго-

ловное законодательство, как и практика его применения, должно стать более современным. В уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения» [13].

В Послании Президента В.В. Путина Федеральному собранию РФ от 3 декабря 2015 года отмечалось, что «сегодня практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями, а люди, в том числе совсем молодые, попадают в места лишения свободы, в тюрьму. Пребывание там, сама судимость, как правило, негативно сказываются на их дальнейшей судьбе и нередко приводят к последующим преступлениям. Прошу Государственную Думу поддержать предложения Верховного Суда России о декриминализации ряда статей Уголовного кодекса и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние» [14].

В контексте посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ Конституционный суд РФ 10 февраля 2017 г. принял постановление «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина». В п. 4.2 постановления отмечено, что «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся

административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона» [15].

Таким образом, следует констатировать, что в приведенных высказываниях первых лиц государства, а также в решении Конституционного суда РФ административная преюдиция рассматривается как юридически значимая причина, позволяющая законодателю усиливать карательный потенциал норм уголовного права путем привлечения к уголовной ответственности за неоднократное совершение однородных административных правонарушений.

При этом если мнения Президента РФ имеют преимущественно законодательно-ориентирующий характер для корректировки уголовной политики государства путем использования административной преюдиции, то позиция Конституционного суда РФ юридически подтверждает легитимность административной преюдиции как средства криминализации неоднократных и однородных административных правонарушений, ибо решения этого органа государственной власти окончательны и не подлежат обжалованию.

Как ни парадоксально, но даже Постановление Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. не вдохновило сторонников и противников административной преюдиции на теоретическое примирение. До сих пор продолжается научная дискуссия, в которой высказываются прямо противоположные мнения, касающиеся как теоретических аспектов административной преюдиции, так и законодательной практики использования норм уголовного права с признаками административной преюдиции [16, 6].

Более того, содержание данного постановления Конституционного суда РФ породило новые критические замечания, а сама административная преюдиция стала оцениваться не только как одно из средств исключительно уголовно-правового регулирования, но также как и политико-правовой инструмент воздействия на лиц, критикующих деятельность органов государственной власти в Российской Федерации [17, 18].

Последнее обстоятельство вновь заставляет задуматься о юридической судьбе администра-

тивной преюдиции и высказать ряд соображений о теоретической и практической стороне этой юридической конструкции.

1. В научной литературе зачастую высказывается мнение о том, что административная преюдиция является средством декриминализации [19, с. 67] (частичной декриминализации) [20] и, соответственно, гуманизации наказаний за совершение нетяжких преступлений [19, с. 67]. Естественно, что такие суждения направлены на формирование в общественном сознании социально положительного образа административной преюдиции как необходимого правового инструмента по проведению уголовной политики государства.

Между тем имеется ряд оснований нормативно-правового, практического и теоретического свойства, не дающих повода для такого умозаключения, а, наоборот, демонстрирующих уголовно-репрессивный характер административной преюдиции.

Во-первых, в ранее приведенной цитате из Постановления Конституционного суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» орган конституционного контроля выделил криминализацию как главную черту административной преюдиции.

Во-вторых, в содержании самих статей УК РФ или в примечаниях к ним специально указываются признаки административной преюдиции или, другими словами, признаки криминализации для придания административному правонарушению качества преступления.

Например, в содержании ст. 284.1 УК РФ (осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности) установлена уголовная ответственность за руководство деятельностью на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности в соответствии с законодательством РФ, либо участие в такой деятельности, совершенные лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года [21].

В примечании к ст. 151.1 УК РФ (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции), которая содержит норму, предусматривающую уголовную санкцию за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной

продукции, если это деяние совершено неоднократно, отмечено: «Розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию» [21].

В-третьих, анализ понятий административной преюдиции, встречающихся в научной литературе, свидетельствует о том, что она выполняет не административно-правовую функцию декриминализации, а уголовно-правовую функцию криминализации, поскольку в этих понятиях закрепляется признак признания преступлением повторного (неоднократного) административного правонарушения, за которое лицо уже подвергалось административному наказанию [22, с. 52; 23, с. 69].

В-четвертых, в законодательной деятельности административная преюдиция используется только как инструмент криминализации. Это делается двумя способами. Первый способ связан с дополнением УК РФ новым составом преступления, сконструированным на основе выбора законодателем состава административного проступка, содержащегося в Кодексе РФ об административных правонарушениях, и придания ему признаков уголовно наказуемого деяния путем использования административной преюдиции. Примером может служить статья 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», введенная в УК РФ Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [24].

Второй способ реализуется через изменение законодателем состава преступления, уже содержащегося в УК РФ, на основе включения в его содержание признаков административной преюдиции. Например, 3 октября 2018 года Президент РФ внес на рассмотрение Государственной думы проект закона «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» и связанный с ним проект федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – КоАП РФ). В проекте содержится предложение внести изменение в формулировку статьи 282 УК РФ, позволяющее относить действия, подпадающие под ее первую часть (возбуждение ненависти

или вражды без применения насилия или угрозы его применения), к административным правонарушениям. Уголовная ответственность, согласно президентским поправкам, должна наступать только в случае, если подобное правонарушение совершается гражданином второй раз в течение года [25].

Очевидно, что при использовании административной преюдиции в первом случае криминализация происходит в упрощенном порядке без использования дополнительных законодательных приемов, то есть путем принятия одного закона о переводе административного правонарушения в разряд преступления.

Во втором случае криминализация административного правонарушения происходит сложнее, что связано с принятием одновременно двух законов, один из которых декриминализирует состав преступления, а другой, наоборот, криминализирует появившийся в результате декриминализации состав административного правонарушения. Вероятно, именно по причине законодательной взаимообусловленности и одновременности декриминализации и криминализации посредством административной преюдиции создается ложное впечатление о том, что при таком варианте административная преюдиция выполняет функцию декриминализации.

Исходя из сказанного, полагаем, что законопроекты, вносимые в Государственную думу Федерального собрания РФ, в которых предусматривается декриминализация отдельных составов преступлений, не всегда являются исключительно гуманными актами государства, поскольку в них наряду с декриминалирующими нормами также содержатся положения об административной преюдиции как способе криминализации.

К этому следует добавить, что под декриминализацией в научных работах понимается законодательная процедура, позволяющая полностью исключить запрещенное уголовным законом деяние из числа преступлений [26]. В силу этого весьма сомнительным выглядит утверждение о существовании частичной декриминализации преступлений путем сужения оснований уголовной ответственности за счет использования административной преюдиции [20].

Кроме этого, изучение научных публикаций позволяет сделать вывод, что даже отдельные сторонники административной преюдиции рассматривают ее в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории, поскольку, по их мнению, она может сочетаться с декриминализацией при предупреждении административных правонарушений и преступлений [27]. Представляется, что подобные взгляды отчетливо сви-

детельствуют о разных направлениях уголовной политики: о декриминализации, осуществляемой вначале, и криминализации, которая применяется после этого путем использования административной преюдиции для изменения состава преступления, содержащегося в УК РФ.

2. Многие исследователи административной преюдиции рассуждают о ней как об одном из институтов уголовного права, но при этом не приводят аргументов в защиту своего утверждения [28, с. 80; 29, с. 50], даже в тех случаях, когда перечисляют признаки административной преюдиции как уголовно-правового института [30, с. 145] или когда используют в названии работы термин «институт административной преюдиции» [31].

В связи с этим имеется ряд оснований для сомнения в должном теоретическом осмыслении института административной преюдиции в юридической науке и надлежащем законодательном закреплении его в нормах УК РФ.

Во-первых, использование в научной литературе термина «институт права» применительно к любому правовому явлению, в том числе к административной преюдиции, без какого-либо содержания ведет к необоснованному злоупотреблению таким термином [32, с. 94]. Как справедливо отмечает О.С. Иоффе, «если иметь в виду обычное словоупотребление, то никаких погрешностей здесь нет, ибо «институт» означает «установление», и тогда все в области права можно называть институтом, начиная от самого права и кончая его единичными нормами. Но речь идет о юридическом институте как строго научном понятии, которое должно обладать необходимой определенностью...» [33, с. 51].

Во-вторых, изучение постановления Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. также убеждает в неопределенном уголовно-правовом положении административной преюдиции как в юридической теории, так и в практике законодательного регулирования. Как отметил Конституционный суд РФ, «федеральный законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности в интересах надлежащей защиты конституционно значимых ценностей (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации) и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т.е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией» [15].

Как видим, даже высококвалифицированный состав судей в постановлении не стал обо-

значать юридический статус административной преюдиции как самостоятельного института уголовного права или, как минимум, субинститута уголовного права, а вот институт уголовной ответственности Конституционный суд РФ назвал уверенно и четко. При этом словосочетание «так называемые составы преступлений с административной преюдицией», по всей видимости, надо понимать не иначе как набор составов преступлений с административной преюдицией, не связанных между собой общими уголовно-правовыми предписаниями.

В-третьих, анализ УК РФ показывает, что у законодателя не имеется правотворческой концепции использования административной преюдиции как уголовно-правового института, поскольку в Общей части УК РФ до сих пор нет правовых норм, объединяющих системным юридическим смыслом нормы уголовного права из Особенной части УК РФ, закрепляющие составы преступлений с признаками административной преюдиции. В частности, отсутствуют общие нормы уголовного права, определяющие законодательное понятие административной преюдиции, количество предыдущих административных правонарушений, срок давности привлечения к административной ответственности. В результате эти принципиальные правовые положения административной преюдиции разъясняются правоприменителю в примечаниях к разным составам преступлений (например, в ст. ст. 157, 212.1, 314.1 УК РФ).

Указанные недостатки, с одной стороны, способствуют проявлениям субъективизма в законодательной деятельности при конструировании составов преступлений с административной преюдицией, а с другой – порождают заслуженную критику научной общественности [34–37].

В-четвертых, имеются научные работы, в которых прямо указывается на отсутствие фундаментальных исследований института административной преюдиции, раскрывающих его сущностное содержание [38, с. 48]. Это верно, но в то же время и весьма странно, поскольку в большинстве публикаций отмечается, что прообраз административной преюдиции встречался в уголовном законодательстве еще с середины девятнадцатого века [39, с. 46; 9, с. 32], а к началу двадцатого века законодатель достаточно уверенно использовал институт ужесточения наказания за неоднократность совершенных противоправных деяний [40, с. 12].

На наш взгляд, длительное историческое использование административной преюдиции в практике правового регулирования без глубокого теоретического обоснования, в первую очередь, объясняется противоречивым характером

этой правовой конструкции. Ведь как сторонники, так и противники административной преюдиции приводят убедительные, но диаметрально противоположные доводы в защиту своей позиции относительно:

– изменения социальной сущности административного правонарушения в результате его неоднократного совершения [41, с. 47];

– общественной опасности лица, неоднократно совершившего административное правонарушение [42, с. 28];

– разрушения законодателем границ между административными правонарушениями и преступлениями, обладающими разной степенью общественной опасности [43];

– двойной юридической оценки административного правонарушения [44];

– отсутствия внутренней связи между повторными административными правонарушениями, которые тем не менее считают преступлениями [44];

– расширения сферы уголовной репрессии, поскольку уголовная ответственность распространяется на непроступные правонарушения [45].

Кроме этого, на качестве научных исследований отражается и непоследовательная уголовная политика государства в части использования административной преюдиции в законодательстве страны на протяжении почти ста последних лет.

В советское время существования уголовного законодательства, начиная с 1922 года, нормы с признаками административной преюдиции постепенно включались в УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1924 года, УК РСФСР 1926 года, достигнув количественного пика в УК РСФСР 1960 года, где таких норм насчитывалось более 20 [46, с. 112].

В этот исторический период руководители государственной власти в своих публичных выступлениях не вспоминали об административной преюдиции и тем более не давали ей какой-либо правовой или политической оценки. Такое положение надо признать естественным, ибо административная преюдиция как средство ужесточения ответственности за правонарушения органично вписывалась в общую политику тоталитарного государства. А дискуссия о допустимости использования в уголовном праве административной преюдиции оставалась внутренним делом научного сообщества без внимания представителей государственной власти.

После принятия демократической Конституции РФ 1993 года основы государственного строя и, соответственно, общая политика государства существенно изменились, в связи с чем к дискуссии об административной преюдиции

подключились и представители государственной власти. Данное обстоятельство радикально изменило позицию законодателя в отношении административной преюдиции при разработке нового УК РФ 1996 года. Как справедливо отмечает Е.Б. Калис, «обсуждение и принятие нового Уголовного кодекса РФ происходило одновременно со становлением «демократического и правового государства», гуманистические идеи не могли не оказать влияние на результат этих дискуссий, в связи с чем институт административной преюдиции не нашел своего отражения в УК РФ 1996 года» [43, с. 114].

Главным доводом отказа от норм с административной преюдицией в УК РФ 1996 года стало противоречие административной преюдиции ст. 50 Конституции РФ, в соответствии с которой никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение [16, с. 14].

Однако период отказа от норм уголовного права с административной преюдицией продлился не долго. 11 февраля 2009 года на заседании президиума Госсовета Президент РФ Д.А. Медведев отметил, что «было бы правильным вернуться к вопросу административной преюдиции, то есть предварительных решений, которые являются основанием для наступления уголовной ответственности. В какой-то момент мы отказались от этой конструкции из каких-то общетеоретических соображений, но жизнь подсказывает, что она была эффективной» [47].

Вслед за этим последовали активные законодательные действия по дополнению УК РФ 1996 года нормами с признаками административной преюдиции, сопровождаемые государственной поддержкой этой категории в ранее упомянутых посланиях Президента РФ от 12 ноября 2009 года и 3 декабря 2015 года.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что административная преюдиция, несмотря на свою карательно-правовую природу, является удобным правовым инструментом для проведения уголовной политики при прямо противоположных государственно-политических режимах и используется исходя из практической целесообразности. По нашему мнению, государственно-правовое признание административной преюдиции в условиях слабой теоретической проработанности снижает интерес к фундаментальному научному обоснованию ее юридической сущности и вынуждает ученых ограничиваться хотя и убедительными, но краткими аргументами либо за эту категорию с предложениями по изменению УК РФ, либо против нее.

3. В постановлении от 10 февраля 2017 г. Конституционный суд РФ указал, что «федер-

ральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями (часть вторая статьи 2 УК Российской Федерации), обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П)» [15].

Признавая данную позицию Конституционного суда РФ, следует заметить, что не только федеральный законодатель должен соблюдать названные системные критерии криминализации административных правонарушений. Такое требование надо распространить на всех участников федеральной законотворческой деятельности, в частности на субъектов законодательной инициативы, поскольку их доводы, изложенные в пояснительных записках к законопроектам, играют определяющую роль в принятии законопроекта либо в его отклонении.

Анализ пояснительных записок, где приводятся обоснования законопроектов об установлении уголовной ответственности с использованием административной преюдиции, показывает, что субъекты законодательной инициативы либо приводят неубедительные доводы для криминализации административных правонарушений, либо вовсе их не приводят, что, на наш взгляд, способствует избыточному использованию уголовно-правовой репрессии в нормах УК РФ. Особенно это касается тех субъектов законодательной инициативы, которые одновременно являются представителями федерального законодательного органа. Приведем два примера, свидетельствующих о сказанном.

Пример первый. 31 марта 2014 года депутаты Государственной думы Федерального собрания РФ А.Г. Сидякин, А.Л. Красов, И.Л. Зотов в порядке законодательной инициативы внесли проект федерального закона № 485729-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях)». Депутаты посчитали, что неоднократное привлечение к административной ответственности за совершение административных правонарушений,

предусмотренных статьей 20.2 КоАП РФ (нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования), является основанием для привлечения к уголовной ответственности.

В обоснование своей инициативы в пояснительной записке к законопроекту депутаты привели следующие данные: «В общем количестве зарегистрированных в 2013 году административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП РФ, зафиксировано 44 факта совершения гражданином однородного административного правонарушения (удельный вес составляет 2.7%)» [48]. Представляется, что цифра 44 весьма неубедительна для подтверждения широкого распространения в стране административного правонарушения по ст. 20.2 КоАП РФ. Ведь в масштабах 85 субъектов России и ее многомиллионного населения на каждый субъект РФ не приходится и по 1 повторному административному правонарушению по ст. 20.2 КоАП РФ.

Далее в пояснительной записке указывались данные уже за 2014 год, и почему-то только по г. Москве, согласно которым «6 февраля 2014 года в г. Москве на Манежной площади сотрудниками полиции задержаны 36 граждан, которые проводили не согласованное с органами исполнительной власти пикетирование. При этом установлено, что из всех задержанных 21 человек ранее привлекался к ответственности за совершение административных правонарушений по статье 20.2 КоАП. При этом двое ранее привлекались к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП 16 раз. 24 февраля 2014 года из 681 задержанного в г. Москве на Манежной площади и у здания Замоскворецкого районного суда ранее к административной ответственности по статье 20.2 КоАП было привлечено 49 граждан, из которых 3 – более 10 раз, повторно к административной ответственности по указанной статье – 11» [48]. Однако уважаемые депутаты, видимо, подзабыли, что Россия состоит не только из г. Москвы, в ее составе находятся сотни других городов и тысячи иных населенных пунктов.

Наряду с явно недостаточным обоснованием распространенности рассматриваемого правонарушения в содержании данной пояснительной записки также должным образом не проанализированы ни динамика его роста, ни существенность причиняемого им вреда, ни невозможность его преодоления с помощью иных правовых средств.

Второй пример. 11 декабря 2015 года Председателем Верховного суда В.М. Лебедевым в по-

рядке законодательной инициативы внесен проект федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». В данном законопроекте помимо прочего предлагалось декриминализировать ч. 1 ст. 158 УК РФ (кража) с одновременной криминализацией неоднократного административного правонарушения по ст. 7.27 (мелкое хищение) КоАП РФ путем дополнения УК РФ ст. 158.1 (мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию) [49].

Вместе с тем из содержания пояснительной записки к этому законопроекту усматривается разный аналитический подход к обоснованию декриминализации ч. 1 ст. 158 УК РФ и криминализации ст. 7.27 КоАП РФ. Так, если для аргументации декриминализации ч. 1 ст. 158 УК РФ использовались убедительные статистические данные, то для обоснования криминализации ст. 7.27 КоАП РФ почему-то не приведены сведения ни о динамике роста этого правонарушения, ни о существенности причиняемого им вреда, ни о невозможности его преодоления с помощью иных правовых средств. В пояснительной записке относительно криминализации данной статьи сказано лишь, что «для обеспечения надлежащей защиты прав собственности в законопроекте предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новой статьей 158.1, в которой установить уголовную ответственность за совершение мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичные действия. Это позволит должным образом реагировать на противоправное поведение лиц, склонных к систематическому хищению чужого имущества. Соответственно, данная мера обеспечит профилактику такого рода правонарушений» [49].

4. В п. 4.1 постановления Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. отмечено, что «криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков преступной общественной опасности у каждого из них, – такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления» [15]. В этой связи Конституционный суд РФ считает достаточным основанием использование адми-

нистративной преюдиции в силу повышенной общественной опасности только нарушителя, то есть субъекта правонарушения, в результате неоднократного совершения им административного правонарушения.

Во взаимосвязи с ранее приведенными положениями Конституционного суда РФ, по нашему мнению, можно сделать вывод о том, что общественная опасность нарушителя увеличивается, если иных правовых (административно-правовых) средств недостаточно для преодоления неоднократности совершения им однородного административного правонарушения.

Полагаем, что словосочетания «недостаточность правовых средств» и «недостаточность административно-правовых средств», применительно к использованию административной преюдиции, нельзя сводить только к недостаточности карательного потенциала административных наказаний, воздействующих на личность нарушителя. Кроме административных наказаний в арсенале уполномоченных органов власти имеются также и правовые средства общей и индивидуальной профилактики, эффективное применение которых к нарушителям одновременно с административными наказаниями позволяет вообще не использовать административную преюдицию и, соответственно, экономить меры уголовной репрессии. Более того, вопреки утверждениям о значительном предупредительном потенциале уголовных норм с административной преюдицией [39], в последних научных исследованиях в области криминологии обращается внимание на недейственность таких норм. Так, например, опираясь на статистические данные и общее неудовлетворительное состояние с соблюдением административно-правовых и уголовно-правовых запретов в современной России, О.А. Евланова делает вывод, что «...двойная превенция и административная преюдиция, общепризнанные эффективные меры предупреждения преступности, в России не работают» [50, с. 82].

Чтобы изменить ситуацию, на наш взгляд, целесообразно при обосновании криминализации нарушений использовать знания из социологии и психологии преступности, которые позволят глубже разобраться в отрицательных чертах личности нарушителя, влияющих на увеличение степени его общественной опасности, и не допустить административного рецидива с его стороны. И в этом деле не обойтись без криминологических исследований, поскольку, как справедливо замечает В.И. Плохова, «социальная составляющая криминализации, социология и психология преступности

являются предметом изучения криминологии, а последняя – составная часть девиантологии. К социальной составляющей криминализации деяний относится изучение девиантного поведения в обществе. Только с помощью специалистов-юристов, или при их участии, с учетом особенностей уголовного права (предмета, метода, основ теории криминализации) можно оценить типичность распространяемого явления (характер общественной опасности), причиняемый или грозящий вред, возможность приостановления явления другими, не уголовно-правовыми методами. Это под силу криминологам, поскольку российская криминология создана на базе юридического образования» [51, с. 7].

К сожалению, как отмечает В.И. Плохова, «при закреплении и толковании признаков составов преступлений не учитываются имеющиеся исследования криминологов» [51, с. 6]. И действительно, судя по содержанию вышеупомянутых пояснительных записок к законопроектам с обоснованием административной преюдиции, субъекты законодательной инициативы не проявляют интереса к криминологическому аспекту повышенной степени общественной опасности нарушителя. В силу этого в УК РФ включаются правовые нормы с административной преюдицией на основании научно не подтвержденных данных о криминальной общественной опасности субъекта, неоднократно совершившего однородное административное правонарушение.

На основании изложенного материала можно сформулировать следующие выводы и рекомендации.

1. Административная преюдиция в уголовно-правовой политике России служит только средством криминализации административных правонарушений и в случае, когда законодатель переводит административное правонарушение в разряд преступления, и в случае, когда законодатель декриминализирует преступление и одновременно устанавливает уголовную ответственность за его неоднократное совершение.

2. В настоящее время отсутствуют научные и правовые основания для рассмотрения административной преюдиции в качестве самостоятельного института уголовного права, поскольку в правовой науке нет фундаментальных исследований данной категории, а в уголовном законодательстве специальные нормы права с признаками административной преюдиции не объединены в систему на основе обобщения их существенных черт.

3. Административная преюдиция является удобным правовым инструментом для проведения уголовной политики как при тоталитарном, так и

при демократическом государственно-политических режимах и используется законодателем исходя из практической целесообразности.

4. При обосновании законопроектов, нацеленных на введение административной преюдиции путем криминализации административных правонарушений, не приводятся все обстоятельства, объективно подтверждающие криминальную степень общественной опасности административных правонарушений. Кроме этого, не используются данные, полученные в ходе криминологических исследований, позволяющие подтвердить криминальную степень общественной опасности лица, неоднократно совершившего однородное административное правонарушение.

5. Общую часть УК РФ следует дополнить либо отдельной главой, либо группой уголовно-правовых норм, отражающих единые признаки административной преюдиции с учетом административно-правовых положений, закрепленных в КоАП РФ. Это даст возможность юридически систематизировать особенности административной преюдиции, учесть в нормах УК РФ необходимые предписания КоАП РФ в части последствий привлечения лица к административной ответственности и, соответственно, усовершенствовать практику применения этой правовой конструкции.

6. В процессе обоснования законопроектов о введении административной преюдиции в Особенную часть УК РФ следует тщательно изучать и приводить данные криминологических исследований применительно к социологии и психологии преступного поведения. Это позволит:

1) осознать масштаб распространенности и динамику роста неоднократных и однородных административных правонарушений, провести оценку существенности причиняемого ими вреда, а также доказать невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств, кроме как путем административной преюдиции;

2) объективно подтвердить степень криминальной общественной опасности субъекта, неоднократно совершившего однородное административное правонарушение;

3) выявить недостатки в общей и индивидуальной профилактике неоднократных и однородных административных правонарушений и, благодаря этому, внести коррективы в профилактическую деятельность уполномоченных органов власти;

4) исключить случаи необоснованной криминализации административных правонарушений и таким образом привести законодательную деятельность в соответствие с правовой позицией Конституционного суда РФ.

Список литературы

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 419–430.
2. Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А. и др. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М.: Центр стратегических разработок, 2017. 73 с.
3. Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 37–46.
4. Председатель Верховного Суда РФ: общество нуждается в декриминализации // Российская газета (Столичный выпуск). 2016. 20 сентября. № 7080.
5. Зыков Д.А. Возвращение административной преюдиции в УК РФ – исправление законотворческой ошибки // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 273–275.
6. Незнамова З.А., Незнамов А.В. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Уголовное право и криминология. 2018. № 2. С. 4–9.
7. Лапина М.А., Трунцевский Ю.В., Карпухин Д.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // NB: Административное право и практика администрирования. 2015. № 2. С. 24 [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/al/article_15899.html (дата обращения: 22.11.2018).
8. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 246–254.
9. Маркунцов С.А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 31–42.
10. Мирошниченко Д.В., Колесник К.Р. Понятие административной преюдиции в уголовном праве России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 1 (48). С. 58.
11. Иншаков С.М., Казакова В.А. Межотраслевая интеграция как предпосылка эффективности права // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 58.
12. Есаков Г.А. «Юридические» признаки состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Москва, 28–29 января 2016. С. 161.
13. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979> (дата обращения: 23.11.2018).
14. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 23.11.2018).
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.
16. Чеботарева Г.В. Проблемы возвращения института административной преюдиции в Уголовный кодекс РФ // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Материалы I региональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018. С. 13–20.
17. Административная преюдиция в уголовном праве: Казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.
18. Анастасия Корня. Конституционный суд направил дело Дадина на пересмотр // Газета «Ведомости». 10 февраля 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/02/10/677108-mozhet-bit-konstitutsionnoi> (дата обращения: 26.11.2018).
19. Мирошниченко Д.В. Уголовно-правовая преюдиция: понятие, природа, признаки // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 2 (45).
20. Малков В.П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 195–198.
21. Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
22. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1.
23. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10.
24. Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.
25. «Дела осужденных за репосты должны быть пересмотрены». Эксперты о смягчении статьи 282 [Электронный ресурс]. URL: <https://otr-online.ru/blogs/blog-internet-redakcii-otr/prezident-predlozhit-sazhat-za-ekstremizm-v-internete-so-vtorogo-raza-429.html> (дата обращения: 01.12.2018).
26. Кузнецов А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 17.
27. Оноколов Ю.П. Сочетание административной преюдиции и декриминализации как инструмент предупреждения административных правонарушений и преступлений // Административное право и процесс. 2013. № 2. С. 32–36.
28. Мамхягов З.З. Административная преюдиция как средство разграничения административного и уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36).
29. Мосечкин И.Н. Административная преюдиция в уголовном праве России: некоторые вопросы зарождения и развития // Наука без границ. 2017. № 5 (10).
30. Колесник К.Р. Социальная обусловленность административной преюдиции в уголовном праве //

Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2 (49).

31. Акинина Н.Ю., Берндт А.А. Институт административной преюдиции в Уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 83–86.

32. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8.

33. Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 14.

34. Рыбак А.З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 116–121.

35. Селиверстов Н.О. Проблемы применения института административной преюдиции в уголовном праве РФ // Юридический факт. 2018. № 25. С. 12–16.

36. Хоменко А.Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 1. С. 37–42.

37. Юнусов А.А., Серкова Т.В. Административная преюдиция в уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 278–282.

38. Бобрович П.П. Административная преюдиция в уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7).

39. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Право. 2011. № 2 (10).

40. Мосечкин И.Н. Административная преюдиция в уголовном праве России в советский период // Правовестник. 2017. № 1 (2).

41. Иванов Н. Уголовная политика России и совершенствование уголовного законодательства // Уголовное право. 2017. № 4.

42. Безверхов А., Денисова А. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4.

43. Калис Е.Б. Административная преюдиция в уголовном праве // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: Сб. научных статей / Под ред. В.И. Тюнина. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 114–116.

44. Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 28–29.

45. Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 69–70.

46. Обухова Т.В. Ретроспективный анализ уголовно-правовых норм с административной преюдицией в отечественном законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3.

47. Стенограмма заседания президиума Государственного совета 11 февраля 2009 г. «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://krem lin.ru/events/president/transcripts/3150/> (дата обращения: 10.12.2018).

48. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/485729-6/> (дата обращения: 13.12.2018).

49. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6/> (дата обращения: 13.12.2018).

50. Евланова О.А. Некоторые проблемы предупреждения современной преступности в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2 (64).

51. Плохова В.И. Роль криминологических исследований в совершенствовании уголовного права // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3.

ON THE ISSUE OF CRIMINALIZATION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES THROUGH THE USE OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE

I.E. Bochkarev

We consider the legal essence of administrative prejudice and its use in legislative activities. The article analyzes the position of the Constitutional Court of the Russian Federation and scholars' views regarding the understanding of administrative prejudice, as well as the problem of its legislative justification and consolidation in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, administrative prejudice, criminal policy, criminalization, repeated administrative offense, degree of criminal public danger.

References

1. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Repressivnoe reshenie social'nyh problem: prichiny i posledstviya // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2016. Т. 10. № 3. С. 419–430.

2. Esakov G.A., Dolotov R.O., Filatova M.A. i dr. Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.). М.: Centr strategicheskikh razrabotok, 2017. 73 s.

3. Kapinus O.S. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya deyanij: poisk optimal'nogo balansa // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2018. № 4. S. 37–46.

4. Predsedatel' Verhovnogo Suda RF: obshchestvo nuzhdaetsya v dekriminalizacii // Rossijskaya gazeta (Stolichnyj vypusk). 2016. 20 sentyabrya. № 7080.

5. Zykov D.A. Vozvrashchenie administrativnoj preyudicii v UK RF – ispravlenie zakonotvorcheskoj oshibki // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 273–275.

6. Neznamova Z.A., Neznamov A.V. Administrativnaya preyudiciya kak kriterij kriminalizacii protivopravnogo deyaniya // Ugolovnoe pravo i kriminologiya. 2018. № 2. S. 4–9.
7. Lapina M.A., Truncevskij Yu.V., Karpuhin D.V. Administrativnaya preyudiciya kak sposob dekriminalizacii ugovolnyh prestuplenij i razgranicheniya ugovolnyh prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij v sovremennyj period // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2015. № 2. S. 24 [Elektronnyj resurs]. URL: http://e-notabene.ru/al/article_15899.html (data obrashcheniya: 22.11.2018).
8. Kolosova V.I. Administrativnaya preyudiciya kak sredstvo preduprezhdeniya prestuplenij i sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 5 (1). S. 246–254.
9. Markuncov S.A. O ponimanii administrativnoj preyudicii kak osobogo sredstva yuridicheskoy tekhniki i rasshirenii ee ispol'zovaniya v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2014. № 4. S. 31–42.
10. Miroshnichenko D.V., Kolesnik K.R. Ponyatie administrativnoj preyudicii v ugovolnom prave Rossii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2018. № 1 (48). S. 58.
11. Inshakov S.M., Kazakova V.A. Mezhotraslevaya integraciya kak predposylka effektivnosti prava // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 58.
12. Esakov G.A. «Yuridicheskie» priznaki sostava prestupleniya // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 28–29 yanvarya 2016. S. 161.
13. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979> (data obrashcheniya: 23.11.2018).
14. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (data obrashcheniya: 23.11.2018).
15. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10 fevralya 2017 g. № 2-P «Po delu o proverka konstitucionnosti polozhenij stat'i 212.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina I.I. Dadina» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2017. № 2.
16. Chebotareva G.V. Problemy vozvrashcheniya instituta administrativnoj preyudicii v Ugolovnyj kodeks RF // Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti. Materialy I regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. Simferopol': Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo, 2018. S. 13–20.
17. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave: Kazus Il'dara Dadina // Zakon. 2017. № 2. S. 21–29.
18. Anastasiya Kornya. Konstitucionnyj sud napravil delo Dadina na peresmotr // Gazeta «Vedomosti». 10 fevralya 2017 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/02/10/677108-mozhet-bit-konstitutsionnoi> (data obrashcheniya: 26.11.2018).
19. Miroshnichenko D.V. Ugolovno-pravovaya preyudiciya: ponyatie, priroda, priznaki // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2017. № 2 (45).
20. Malkov V.P. Administrativnaya i disciplinarnaya preyudiciya kak sredstva dekriminalizacii i kriminalizacii v ugovolnom prave // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2008. № 2. S. 195–198.
21. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
22. Bezverhov A.G. Vozvrashchenie «administrativnoj preyudicii» v ugovolnoe zakonodatel'stvo Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2012. № 1.
23. Yamasheva E.V. K voprosu o vosstanovlenii instituta administrativnoj preyudicii v ugovolnom zakone Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 10.
24. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. № 27 (chast' II). St. 4256.
25. «Dela osuzhdennyh za reposty dolzhny byt' peresmotreny». Eksperty o smyagchenii stat'i 282 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://otonline.ru/blogs/blog-internet-redakcii-otr/prezident-predlozhit-sazhat-za-ekst-remizm-v-internete-so-vtorogo-raza-429.html> (data obrashcheniya: 01.12.2018).
26. Kuznecov A.P. Kriminalizaciya – dekriminalizaciya, penalizaciya – depenalizaciya kak soderzhanie ugovolnoj politiki // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1 (35). S. 17.
27. Onokolov Yu.P. Sochetanie administrativnoj preyudicii i dekriminalizacii kak instrument preduprezhdeniya administrativnyh pravonarushenij i prestuplenij // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 2. S. 32–36.
28. Mamhyagov Z.Z. Administrativnaya preyudiciya kak sredstvo razgranicheniya administrativnogo i ugovolnogo prava // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2 (36).
29. Mosechkin I.N. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave Rossii: nekotorye voprosy zarozhdeniya i razvitiya // Nauka bez granic. 2017. № 5 (10).
30. Kolesnik K.R. Social'naya obuslovlennost' administrativnoj preyudicii v ugovolnom prave // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2018. № 2 (49).
31. Akinina N.Yu., Berndt A.A. Institut administrativnoj preyudicii v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1 (44). S. 83–86.
32. Dembo L.I. O principah postroeniya sistemy prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1956. № 8.
33. Ioffe O.S. Strukturnye podrazdeleniya sistemy prava (na materialah grazhdanskogo prava) // Uchenye zapiski VNIISZ. M., 1968. Vyp. 14.
34. Rybak A.Z. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave // Sovremennye problemy social'no-gumanitarnykh nauk. 2015. № 2. S. 116–121.
35. Seliverstov N.O. Problemy primeneniya instituta administrativnoj preyudicii v ugovolnom prave RF // Yuridicheskij fakt. 2018. № 25. S. 12–16.
36. Homenko A.N. Problemy ispol'zovaniya administrativnoj preyudicii v ugovolnom prave // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. 2017. T. 14. № 1. S. 37–42.
37. Yunusov A.A., Serkova T.V. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2015. № 1. S. 278–282.
38. Bobrovich P.P. Administrativnaya preyudiciya v ugovolnom prave // Biblioteka kriminalista. 2013. № 2 (7).
39. Bezverhov A.G. Administrativnaya preyudicial'nost' v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii: istoki, realii, perspektivy // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya Pravo. 2011. № 2 (10).

40. Mosechkin I.N. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave Rossii v sovetskij period // Pravovestnik. 2017. № 1 (2).
41. Ivanov N. Ugolvnaya politika Rossii i sovershenstvovanie ugovnogo zakonodatel'stva // Ugolovnoe pravo. 2017. № 4.
42. Bezverhov A., Denisova A. O stanovlenii instituta ugovnogo prostupka v sisteme rossijskogo ugovnogo prava // Ugolovnoe pravo. 2017. № 4.
43. Kalis E.B. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave // Ugolovnoe pravo, ugovlnyj zakon: teoriya i praktika: Sb. nauchnyh statej / Pod red. V.I. Tyunina. SPb.: Izd-vo SPbGEU, 2017. S. 114–116.
44. Chikin D.S. Slozhnye edinichnye prestupleniya (ugolovno-pravovaya harakteristika, problemy kvalifikacii i zakonodatel'nogo konstruirovaniya): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2013. S. 28–29.
45. Korobeev A.I., Shirshov A.A. Ugolovnyj prostupok skvoz' prizmu administrativnoj preyudicii: blago ili zlo? // Ugolovnoe pravo. 2017. № 4. S. 69–70.
46. Obuhova T.V. Retrospektivnyj analiz ugovno-pravovyh norm s administrativnoj preyudiciej v otechestvennom zakonodatel'stve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 3.
47. Stenogramma zasedaniya prezidiuma Gosudarstvennogo soveta 11 fevralya 2009 g. «O sostoyanii ugovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/3150/> (data obrashcheniya: 10.12.2018).
48. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/485729-6/> (data obrashcheniya: 13.12.2018).
49. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6/> (data obrashcheniya: 13.12.2018).
50. Evlanova O.A. Nekotorye problemy preduprezhdeniya sovremennoj prestupnosti v Rossii // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2018. № 2 (64).
51. Plohova V.I. Rol' kriminologicheskikh issledovanij v sovershenstvovanii ugovnogo prava // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2011. № 3.